

Облака лениво скользили по ночному небу, затягивая лунный диск. В сгустившемся полумраке четырехрукий и четырехглазый исполин, соткавшийся будто из самой тьмы, выглядел по-настоящему жутко.

У подножия огромного валуна стоял бледный подросток в белоснежной монашеской рясе-кэса. Завидев чудовище, он просиял и благоговейно опустился на одно колено.

— Владыка Сукуна, сколько лет прошло... — голос Ураумэ дрожал от сдерживаемого волнения.
— Я пришел встретить вас.

— О, Ураумэ, — Сукуна, облаченный в белое просторное юката, благосклонно окинул взглядом верного слугу, которого не видел веками, и лениво повел плечами, разминая затекшую шею.

Его могучее, бугрящееся мышцами тело, грозившее разорвать тонкую ткань одеяния, неуловимо изменилось. Две лишние руки растаяли в воздухе, а черные кольца татуировок на запястьях раздвоились. В таком обличье одежда сидела куда лучше. Спрятав ладони в широкие рукава, Сукуна позволил ночному ветру развеивать полы своего юката и легко, бесшумно спрыгнул с валуна.

— Ну рассказывай, как продвигаются дела на этой стороне?

Ураумэ тут же вытащил из-за пазухи аккуратно завязанный платок и бережно развернул его.

— Владыка, пока мне удалось добыть лишь это. Три пальца.

Внезапно всплывшие в его разуме воспоминания подсказывали: в этом мире сокрыто одиннадцать средоточий силы Сукуны. Но завладеть остальными пока не удалось — особенно теми, что находились под надежной охраной в Технической школе магии.

Впрочем, Сукуну не заботило их количество — рано или поздно он заберет свое.

— Неплохо, — небрежно обронил Король проклятий.

Он протянул руку. На его ладони, разверзая плоть, открылся усеянный острыми зубами рот. Сукуна равнодушно скормил ему все три иссохших пальца.

Грубая, первородная мощь хлынула по венам, воссоединяя осколки расколотов души. Сукуна сжал и разжал длинные, узловатые пальцы, и на его лице проступила хищная, довольная усмешка.

С тех пор как его истинное воплощение тысячу лет назад встретило Харе, Король проклятий узнал о мироздании гораздо больше. Обитаясь в теле мальчишки, он впитывал любые его

мысли и знания. Именно тогда Сукуна осознал, что ткань вселенной разорвана на несколько параллельных миров, а его запечатанная душа разбросана по ним в виде уродливых иссохших пальцев.

Расставаясь с Харе в глубокой древности, он отдал Ураумэ приказ: собрать пальцы спустя тысячелетие. Поначалу это казалось лишь любопытным экспериментом. Сукуне хотелось проверить, отзовется ли воля, изъявленная в прошлом, в разуме Ураумэ из параллельных реальностей будущего. Однако позже, в схватке с Дзэнъином Тодзи, когда Харе поглотил его душу во второй раз, открылась поразительная истина. Сукуна не просто сохранил всю полноту памяти — он научился чувствовать каждый свой палец, лишившийся печати в иных мирах. Сквозь эту невидимую связь он осязал преданность Ураумэ, который неукоснительно следовал его древней воле.

Но по-настоящему его изумило другое. Душа, дремавшая в теле Харе, напиталась такой силой, что теперь он мог воссоздать собственную плоть. Это не было обычным слиянием с чужим телом или призрачной оболочкой из проклятой энергии — нет, это была его собственная, подлинная плоть. Он обрел ее в ту самую ночь, когда окончательно и безраздельно подчинил себе этого мальчишку, разделив с ним ложе.

Подобное открытие наполняло его диким, торжествующим восторгом. Ведь Харе был единственным существом, которого он желал клеймить своей собственной силой, заявляя на него права перед всей вселенной. Позже Сукуна размышлял над этим феноменом. Возможно, виной всему была неведомая врожденная техника самого мальчишки, а может, дело крылось в их постоянном, ненасытном слиянии и обмене проклятой энергией.

В любом случае, это играло ему на руку. Ровно до тех пор, пока Сукуна не осознал: этот несносный, вечно ершистый, но порой столь ласковый мальчишка страдает непреодолимой тягой к саморазрушению. И когда Харе поглотил свое Злое начало, это безумие достигло предела.

Упрямый, глупый мальчишка... Голова набита всяким вздором.

Одна мысль об этом заставляла Сукуну раздраженно кривиться. Он не собирался покорно ждать, пока глупец погубит себя, и без труда набросал в уме изящный план спасения.

Пока все шло как по маслу. Мумифицированное тело будды — его собственный сокусинбуцу, поглощенный в Расщелине времени, — послужило идеальным вместилищем, решив проблему с поиском подходящего сосуда для мятежного духа. Теперь оставалось лишь воссоединить осколки разорванной души.

Шесть пальцев остались в первом мире, их он пока не трогал. Три пальца из второго он поглотил без остатка. Здесь, в этой реальности, он только что забрал еще три. Значит, где-то поблизости томятся еще восемь...

— Владыка Сукуна, согласно моим сведениям, три ваших пальца сейчас находятся у четырех

проклятых духов особого ранга, — Ураумэ буквально лучился тихим восторгом от снисходительной похвалы своего господина. На его обычно бесстрастном, холодном лице промелькнула робкая юношеская улыбка. — Остальные сокрыты в закромах Технической школы магии. С чего прикажете начать?

Ради своего господина преданный слуга без колебаний расстался бы с жизнью.

«Четыре проклятия особого ранга?» — Сукуна слегка наклонил голову набок. Что за сброд? Никогда о них не слышал. Впрочем, связь с остальными пальцами действительно была едва ощутимой — верный признак того, что наложенные на них печати все еще сильны.

— А где Кэндзяку? — поинтересовался он. Этот интриган всегда отличался завидной хваткой, и до прибытия в этот мир Сукуна полагал, что большая часть пальцев уже прибрана к его рукам.

Ураумэ изумленно вскинул глаза, явно не ожидая, что его всеведущий повелитель может чего-то не знать.

— Десять лет назад его выследили и уничтожили сильнейшие шаманы Технической школы магии — Гето Сугуру и Годжо Сатору, — вполголоса доложил он.

Сукуна прищурился. Десять лет назад... Это подозрительно напоминало события, развернувшиеся в их с Харе предыдущем мире. Его осенила догадка: если в этой реальности Кэндзяку стерт с лица земли, не означает ли это, что временные линии параллельных миров тесно переплетены? Убийство кукловода в прошлом одного мира автоматически отменило его существование в будущем другого?

Выходит, эти расколотые вселенные вовсе не изолированы друг от друга, а связаны тонкими, едва заметными нитями причинно-следственных связей.

— А что насчет Дзэн'ина Тодзи? — спросил Сукуна, решив до конца проверить свою теорию. Если наемник жив, значит, отчаянная попытка Харе уберечь его от гибели в прошлом мире переписала судьбу и этой реальности.

Но Ураумэ лишь отрицательно покачал головой.

— Тоже мертв. Давно скончался. Его сын, унаследовавший Технику десяти теней, сейчас находится под крылом клана Годжо.

Сукуна промолчал. Похоже, его догадка подтвердилась лишь отчасти. Эхо прошлых событий отзывалось в новых мирах хаотично, подчиняясь слепому случаю, в отличие от его собственной души, неразрывно связанной сквозь пространство и время.

Интересно, догадывается ли об этом его глупый мальчишка?

Перед мысленным взором Сукуны возник образ Харе — взъерошенного, удивленно хлопающего своими огромными глазищами. На губах Короля проклятий невольно заиграла мягкая усмешка. Этот недотепа наверняка и понятия не имеет, что Кэндзяку давно гниет в могиле.

Как бы там ни было, следовало поторопиться. Пожалуй, стоит начать с этих выскочек особого ранга, о которых упоминал верный слуга.

В конце концов, они расстались с Харе совсем недавно, а Сукуна уже изнывал от неистовой, почти болезненной тоски.

Он небрежно покрутил запястьем и вдруг резко повернул голову к густой стене леса. Теплая, почти нежная улыбка мгновенно слетела с его лица, уступив место хищному оскалу.

— Надо же, как удачно зашли, — пророкотал он.

Стоило ему договорить, как пожухлая трава под ногами за мгновение запестрела яркими, благоухающими бутонами. Их приторно-сладкий аромат безуспешно пытался усыпить ярость, витавшую в воздухе.

Облака разошлись, позволяя бледному лунному свету омыть поляну, но тотчас наткнулись на полупрозрачный купол Завесы. Вслед за колыхающимся барьером из ночной тени соткались четыре причудливые фигуры.

Тварь, чье бледное лицо и тело пестрели уродливыми шрамами-стежками, залилась почти детским, беззаботным смехом.

— Ну что, Джого, каково? Знатную я Завесу сотворил? Подсмотрел этот трюк у шаманов! Ой, глядите-ка, нашли! Неужто это и есть тот самый легендарный Сукуна?

Облик Короля проклятий явно не соответствовал его ожиданиям. Ребячливое выражение лица Махито вмиг исказилось кровавадной гримасой, и он испустил восторженный вопль:

— Прекрасно! Глядите, как я прикончу его!

Но не успел он сделать и шага, как невидимое лезвие рассекло его тело пополам. Брызнула черная кровь. Махито ошарашенно уставился на свои сползающие внутренности.

Сукуна, стоящий неподалеку, даже не сдвинулся с места — он лишь лениво шевельнул пальцами. С его губ сорвался тихий, пренебрежительный смешок:

— Жалкое отребье.

Едва забрезжил рассвет, Харе проснулся и обнаружил, что его соседи — Оккоцу и Инумаки — уже на ногах и нарезают круги по школьному стадиону. Даже пушистый Панда вовсю усердствовал на тренировочной площадке. Рассудив, что валяться в постели нежеже, Харе поспешил присоединиться к остальным.

Он пристроился в самый конец бегущей колонны. Бежавший впереди Панда то и дело уморительно косился на него через плечо, пытаясь разглядеть новенького. В конце концов гигантский зверь не выдержал и, как ему казалось, заговорщически прошептал бегущему рядом Инумаки:

— Слушай, Тогэ... Это что, сынок Сатору?

Харе мысленно споткнулся. Неужели сходство настолько бросается в глаза?

Но не успел он открыть рот для оправданий, как без утренней одышки бегущий Инумаки обернулся к Панде и категорически мотнул головой:

— Стружка тунца! (Нет!)

— Да ну? — Панда недоверчиво сощурился.

В этот момент мимо них пронесся стремительный вихрь. Маки, чьи волосы были стянуты в высокий конский хвост, изящно сбавила темп и поравнялась с Харе.

— Утречко! Решил приобщиться к спорту? Какой круг мотаешь? — поинтересовалась она с бодрой и слегка покровительственной интонацией, точь-в-точь как заядлые физкультурники в парке, поучающие зеленую молодежь.

Харе смущенно поднял один палец:

— Да я только начал... Первый.

— Ну тогда поднажми! Мне еще парочка осталась, так что я вперед! — Маки весело махнула рукой и, легко ускорившись, растаяла впереди.

Панда тут же поспешил просветить новоиспеченного товарища:

— Маки у нас зверь. Каждое утро делает пять кругов вокруг школы, потом три сотни отжиманий и еще две сотни на пресс...

Пять кругов по этой огромной холмистой территории?!

Значит, она уже отмахала три...

Харе невольно содрогнулся. Потрясающая, пугающая выносливость.

Тело Харе все еще ныло от ран, и даже тугие бинты под тренировочной одеждой не спасали от резких уколов боли при каждом шаге. Кое-как преодолев один круг, он выбился из сил и, тяжело дыша, опустился на прохладную траву у края дорожки.

— Приветик! Ну что, малыш Харе, успел позавтракать?

Будто из-под земли перед ним вырос Сатору. На его руке покачивался шуршащий пластиковый пакет, а сам он, сияя ослепительной улыбкой, низко наклонился к мальчику.

Глаза Харе радостно блеснули. Папа!

Засыпая вчера в одинокой комнате общежития, он искренне жалел, что Сатору не ночует в школе, и даже не надеялся увидеть его так рано.

— Доброе утро, — радостно отозвался Харе и попытался подняться на ноги.

Сатору, видя его усталость, мягким и естественным жестом положил ладонь ему на плечо, чтобы удержать на траве и дать передохнуть. Но стоило его пальцам коснуться хрупкого плеча, как Харе резко вздрогнул.

— Ш-ш... — с его губ сорвался тихий, болезненный стон.

Сатору мгновенно отдернул руку. Его ладонь взлетела к лицу, и он одним быстрым движением сорвал черную повязку с глаз. Сверкающие, бездонно-синие Шести глаз уставились на мальчика со всей серьезностью.

Сатору ведь почти не нажал. Он еще вчера заметил плотные слои бинтов под одеждой подростка и знал, что тот ранен, но не предполагал, насколько серьезна эта травма.

Под пронзительным, сканирующим взглядом Шести глаз Харе обуял дикий, липкий страх. Мысли спутались, и он застыл на месте, боясь даже вздохнуть.

— Твои раны... — начал было Сатору.

— Все в порядке! Пустяки! — поспешно, сокрушаясь от собственной трусости, перебил его

Харе.

Сатору на мгновение озадаченно приподнял брови, но тут же вернул на лицо привычную беззаботную улыбку и протянул пакет.

— Ну гляди. В школе есть отличный медпункт, если станет совсем худо — загляни к Сёко, ладно? — мягко проговорил он, уже привычным жестом возвращая повязку на место. — А вот это держи, твой завтрак.

За плотной тканью скрылись полные глубокой тревоги и боли глаза.

Сатору видел все слишком ясно. Раны на теле мальчика не имели ничего общего с обычными порезами или ушибами. Каждое повреждение было опутано густой сетью проклятой энергии, напоминающей тончайшие черные щупальца. Одним концом они впивались глубоко в плоть Харе, а другим уходили в пустоту, бесследно растворяясь в пространстве. Когда ладонь Сатору легла на плечо мальчика, эти невидимые нити отозвались агрессивной вспышкой, впившись в его собственную руку мириадами тончайших игл.

Будучи сильнейшим шаманом современности, Сатору повидал немало проклятий и запретных техник. Сам он практически никогда не получал ранений, но чужой боли насмотрелся вдоволь. И все же ни разу в жизни он не сталкивался ни с чем подобным.

Вчера, устроив ребят в общежитии, он твердо вознамерился немедленно разыскать Сугуру и все обсудить, но срочный вызов из префектуры спутал все планы. Ему пришлось сорваться в ночную командировку, из которой он вернулся буквально полчаса назад.

Вываливать сейчас на Сугуру неокрепшие подозрения в духе: «Знаешь, у нашего сына какие-то жуткие раны, о которых он упорно молчит», — было бы чистым безумием. Сугуру просто с ума сойдет от тревоги. Разумнее сначала расспросить Сёко — вдруг в ее практике встречалось нечто подобное.

Тем временем на поляне начали собираться остальные первокурсники. Завидев преподавателя, они гурьбой направились к нему и без лишних церемоний растащили принесенные им лакомства.

Харе остался сидеть на траве, сжимая в руках стеклянную бутылочку с молоком. От пережитого страха кончики пальцев у него совсем заledenели, но, взглянув на Сатору, который весело шутил и переругивался с учениками, он вдруг почувствовал тепло. Стекло бутылочки было приятно теплым.

«Папа все-таки... невероятно заботливый».

Он ведь ничего не заметил, верно? Будь иначе, Сатору со своим прямолинейным характером ни

за что не стал бы ходить вокруг да около и допросил бы его с пристрастием.

Харе облегченно перевел дух. Похоже, он действительно излишне накручивал себя — став учителем, отец наверняка просто научился проявлять чуткость ко всем своим подопечным.

На душе у мальчика мгновенно потеплело. Когда не нужно было отправляться на смертельно опасные миссии, школьные будни состояли лишь из тренировок и лекций. Проведя в таком режиме весь день, Харе окончательно убедился: отношение Сатору к нему ничем не выделялось на фоне остальных ребят.

Превосходно. Его тайна не раскрыта, и он может спокойно наслаждаться минутами близости с отцом.

Если верить его расчетам, ровно через неделю должно состояться памятное появление Сугуру в Технической школе магии с официальным объявлением войны. Нужно во что бы то ни стало подготовиться к этому дню, выхлопотать разрешение присутствовать и обязательно поговорить с матерью с глазу на глаз...

Ближе к вечеру небо прояснилось. Оккоцу и Инумаки предложили спуститься в город за продуктами — они твердо вознамерились устроить праздничный ужин с сукияки в честь его поступления. Раз уж пиршество затевалось ради него, Харе, разумеется, не мог остаться в стороне.

Окончив занятия, он пристроился к ребятам. Пока они шли по лесной тропинке, Харе плелся позади, погруженный в собственные невеселые размышления, и совершенно упустил момент, когда шедшие впереди друзья резко замерли как вкопанные. Парень по инерции сделал еще шаг и чувствительно врезался спиной в Оккоцу.

— Ой, простите... — торопливо пробормотал он, потирая ушибленный лоб, но стоило ему поднять глаза, как слова застряли у него в горле.

С серого неба прямо к их ногам планировала исполинская проклятая тварь. Она походила на уродливого пеликана с четырьмя широкими, белоснежными крыльями. С глухим шумом опустившись на землю, чудовище широко разинуло огромный острый клюв, из глубин которого показался...